

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ**Чжан Хуйвэнь**, аспирант**Белорусский государственный университет**

Zhang Huiwen, Ph.D. student, Belarusian State University, kavaliou.aliaksandr@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена проблема возвращения политики протекционизма, инициированного США в период работы администрации Трампа. Показано изменение инструментов торговой политики в этот период. Сделан вывод о том, что кажущаяся результативность ограничительных мер одной из стран в отношении другой в краткосрочном периоде опровергается при рассмотрении эффектов воздействия в долгосрочном, причем для обеих вовлеченных в торговые конфликты экономик.

Ключевые слова: торговая политика, таможенные пошлины, международное регулирование торговли.

Международная торговля как форма коммуникации между производителями различных стран вырастает на основе международного разделения труда и отражает их взаимозависимость и взаимное обеспечение деятельности. Изначальная торговля товарами распространилась по мере развития на услуги, технологии и объекты интеллектуальной собственности. Структурные сдвиги в экономиках мира, обусловленные научно-техническим прогрессом, способствуют дальнейшей специализации производства, а следовательно, и росту взаимной зависимости экономик и международной торговли.

Статистика свидетельствует, что в эпоху беспрецедентного роста мировой экономики от момента завершения второй мировой войны до начала глобального финансового кризиса 2008-09 гг. рост объемов международной торговли превосходил рост объема мирового ВВП более чем в три раза. Одной из причин, обусловивших данную закономерность, является кардинальное снижение всякого рода торговых ограничений. И наоборот, 1930-е годы ознаменовались невиданным до того сжатием международной торговли в результате «тарифных войн» в целях защиты внутренних рынков, что привело к неблагоприятным последствиям и способствовало значительному падению объемов мирового производства. Научной и практической дискуссии между сторонниками спонсорства и ограничения международной торговли уже несколько столетий. Возвращение протекционистской политики в последние пять лет, особенно ярко проявившееся в торговых трениях США и Китая, требует научного осмысления как возможной эффективности мер таможенного и иного регулирования, так и возможного негативного воздействия на национальные хозяйственные системы.

Традиционными инструментами внешней торговли являлись таможенные тарифы (пошлины), ограничивающие ценовую конкурентоспособность импорта, и квоты, ограничивающие конкуренцию количественно. Деятельность государств по заключению соглашений о сокращении ограничений торговли в рамках Всемирной Торговой Организации привела к практически полному отказу от тарифного регулирования (за рядом исключений, которые фиксируются на стадии приема государства в организацию). Это привело к модификации инструментов политики – «изобретениями» стали технические ограничения (от требований сертификации продукции и обязательной

информации о товаре на упаковке на всех государственных языках страны-реципиента до прямого указания на возможные пункты таможенного оформления тех или иных товарных групп), налоговые требования (например, приобретение акцизных и учетных марок), финансовые инструменты поддержки экспорта.

Все эти меры берут начало от периода господства в западноевропейских странах доктрины меркантилизма, когда единственно возможной формой богатства считались драгоценные металлы, служившие деньгами, и в целях роста богатства экономическая политика была призвана обеспечивать положительный денежный баланс (ранний меркантилизм) или торговый баланс (поздний меркантилизм). Мерами для этого был запрет на вывоз денежных металлов, ограничения по импорту товаров, введение таможенных пошлин и иные. Важно, что в эпоху позднего меркантилизма запрет на импорт касался в первую очередь готовых изделий, а не сырьевых товаров; запрета же на вывоз денег и вовсе не было – достижение экономического превосходства обеспечивалось развитием отечественного производства, поскольку прибыльность готовой продукции намного превышала маржинальность ввозимого сырья и полуфабрикатов [1].

Произошедший возврат к политике ограничений торговли администрацией Трампа в своей основе имеет много аналогий с политикой времен меркантилизма. В XXI веке США традиционно имеют отрицательный торговый баланс по торговле товарами, и профицит в торговле услугами не покрывает общего дефицита текущего счета платежного баланса. В период развязывания торговой войны он составил в 2017 году 550,12 млрд. долл., а в 2018 – 627,69 млрд. долл. [2]. При этом Китай является одним из наиболее значимых торговых партнеров США. На его долю в 2018 году приходилось 7,3 % американского экспорта, 21,45 % импорта и 48,45 % торгового дефицита [3]. Сложившаяся ситуация в опубликованной в декабре 2017 года Стратегии национальной безопасности была охарактеризована следующим образом: «Десятилетиями США допускали рост недобросовестных торговых практик. Другие страны для получения экономических преимуществ использовали демпинг, дискриминационные нетарифные барьеры, принуждение к передаче технологий, избыточные мощности, промышленные субсидии и прочие виды поддержки правительства и государственных предприятий» [цит. по 4], Китай был отнесен к таким странам – и это стало обоснованием введения в отношении китайского импорта в США жестких ограничений.

Основным инструментом стали таможенные пошлины. В январе 2018 г. пошлины были введены США на готовые изделия – стиральные машины (20 %) и солнечные батареи (30 %), а в марте 2018 г. – и на промежуточные товары – сталь (25 %) и алюминий (10 %). Встречные пошлины Китая в отношении товаров из США по объему приблизительно соответствовали поставкам китайской стали и алюминия в США. Новые раунды 25-процентных тарифных ударов также по объему были равновеликими и за лето 2018 г. охватили товары на сумму в 50 млрд. долларов с каждой стороны, а позже взаимно симметричные меры (по 10 % пошлины на тысячи товарных групп) распространились на объемы в 200 млрд. долларов.

Другим инструментом торгового конфликта стали санкции на конкретные предприятия, в частности, китайскую корпорацию ZTE, за поставку оборудования, изготовленного с помощью американских технологий, в находящиеся под санкциями Иран и КНДР. Санкции выглядели в виде семилетнего запрета на покупку продукции американских технологических компаний и ограничения на продажу в США смартфонов и сетевого оборудования. Корпорация признала нарушения, санкции были сняты в месячный срок с сохранением штрафа в размере 1 млрд. долларов [4].

Относительно новым инструментом торговой войны стали документальные атаки: Китай неоднократно обращался в ВТО с жалобами на нарушение США принципов организации, и обе страны во внутренних документах обвиняли друг друга в подрыве рыночных отношений, а США обвиняли китайские компании ещё и в промышленном шпионаже и краже интеллектуальной собственности.

Результатом торговой войны стало сокращение объема взаимной торговли в размере около 100 млрд. долларов. Произошло некоторое наращивание Китаем положительного сальдо торгового баланса по товарам, невзирая на падение экспорта в результате последнего пакета таможенных пошлин в конце 2018 года. При этом США сократили на 75 млрд. долларов общий дефицит торговли с Китаем товарами и услугами не в последнюю очередь за счет того, что расходы на импорт объектов интеллектуальной собственности в Китай значительно выросли. Это свидетельствует о достижении США успеха в данном направлении и одновременно о готовности Китая идти на

определенные компромиссы. Американская администрация также осознавала возможные негативные последствия потери одного из наиболее перспективных рынков – и в декабре 2018 года начались многораундовые переговоры по прекращению конфликта, в результате которых был подписан пакет соглашений.

Среди договоренностей появился совершенно новый инструмент стимулирования экспорта – Китай принял на себя обязательство по закупке ряда американских товаров в течение последующих двух лет, причем сумма закупок вырастает на 200 млрд. долларов по сравнению с покупкой этих товаров в 2017 г. Отраслевая структура данных закупок охватывает как продукцию промышленности и сельского хозяйства, так и энергетики и сферы услуг.

Ещё одним инструментом торговой войны стала политика «количественного смягчения», когда прямое предоставление средств компаниям центральными банками позволяет финансировать их деятельность, формируя мягкие бюджетные ограничения, и закупать подорожавшую за счет таможенных пошлин продукцию без угроз для срыва операционной деятельности. В конечном итоге это приводит к росту уровня товарных цен, но в общем итоге вклад этот не кажется значительным.

Торговый конфликт США и Китая является только одним звеном в формировании новой системы регулирования международной торговли, главными особенностями которой являются ограничительные меры развитых стран против развивающихся, которые стали реальными конкурентами; важности политики обменного курса; выход соперничества за рамки чисто экономических отношений; усиление роли мер нетарифного регулирования; переход от мер защиты внутреннего рынка к защите трансграничных интересов бизнеса, экстерриториальный протекционизм [5]. В этой связи правительствам следует быть готовым к возможным неожиданным изменениям условий ведения торговли со стороны своих партнеров и прорабатывать защитные варианты в целях смягчения возможных последствий.

Список использованных источников

1. Покрытан, П. А. Актуализация позднего меркантилизма в современной экономической политике / П. А. Покрытан // Вестник МГУ. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2019. – № 3. – с. 64 – 74.
2. Чжичао, Ши. Противоречия торгово-экономических стратегий Китайской народной республики и Соединенных Штатов Америки / Ши Чжичао // Новости науки и технологий. – 2021. – № 2 (57). – с. 11 – 18.
3. Ушанов, С. А. США – Китай: худой мир лучше доброй «торговой войны» / С. А. Ушанов, С. А. Решад // Вестник РУДН. – 2020. – Т. 28. – № 2. – с. 273 – 287.
4. Салицкий, А. И. США – Китай: анатомия торгового конфликта / А. И. Салицкий, Н. К. Семенова // Восток (Oriens). – 2019. – № 4. – С. 60–72. DOI: 10.31857/S086919080005960-3
5. Миловидов, В. Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации / В. Миловидов, Н. Аскер-заде // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Том 64. – № 8. – с. 37 – 45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45